

Виктор Иванович Давыдов – давний друг «Шахтерской правды». Внештатный сотрудник, автор и герой публикаций. Журналист, прозаик, член Союза журналистов России с октября 1986 года. Более сорока лет своей жизни Виктор Иванович отдал предприятиям угольной промышленности Прокопьевска. За эти годы накопились десятки интересных шахтерских историй. О городе, его людях, о работе и быте прокопчан былых десятилетий. Сегодня мы открываем серию таких историй от Виктора Давыдова.

ДВОЙНОЕ ПАДЕНИЕ

Случился с Колькой Ивановым несчастный случай на работе: забывая стойки с напарником, Виктором Головиным, он упал в лаву. И не скажешь, что зазевался, это та случайность, что с каждым может быть. Здоровенный кусок породы сорвался с кровли, ухнул по плахе, на которой стоял Колька, подавая стойку Виктору, плаха раскололась пополам, и Колька, взмахнув руками, полетел вниз.

Нет, нельзя сказать, чтобы это была его оплошность. Хотя было предчувствие. Встал сегодня как не с той ноги. Все из-за того, что домашние с вечера настроение испортили. Живет Колька с женой и тещей, и живет, надо признать, неплохо, все бы ничего, только бы ему толику уважения. Но нет его. Нет-нет да примутся его пилить в два смычка: то что-то не сделал, то сделал, да не то. Если придешь чуть выпивши, так все сразу:

– Алкаш! Пьяница!

Мужики в бригаде над ним смеются, когда он отказывается с ними пойти посидеть, распить бутылку. Разве что Виктор его понимает.

– Красотой они нас, Коля, давят. Вот ты же долго за ней ходил, пока она замуж не согласилась? А она пошла вроде как нехотя? Тогда бы тебе и переломить ситуацию, стукнуть разок кулаком по столу. Упустил момент, а теперь ты вроде как на вторых ролях.

И вечные упреки в бесхозяйственности. Вчера новая история – соседа снизу в пример ставили. Вот, мол, позаботился, купил и привез половину свиной туши. Запас сделал на зиму. А ты, пентюх, пока тебя не толкнешь да не подскажешь...

...Сорвавшись в яму, испугаться Колька не успел. То есть, он испугался, но – все произошло настолько стремительно – только когда его падение завершилось ударом

об остатки угля, который откатчики еще не успели отгрузить. Первый шок прошел, и Колька понял, что ему крупно повезло. Во-первых, он удачно миновал все крепезные стойки в лаве, во-вторых, гора угля внизу, которая здорово убавила высоты падения. Кажется, и не сломал себе ничего, только бок да руку сильно ободрал.

– Да, паря, видно, в рубашке ты родился, – покачал головой Виктор. – Могли ведь тебя из шахты вперед ногами вынести. Струхнул, небось?

– Да есть маленько.

– Давай быстро в медпункт, а потом домой. Для тебя смена на сегодня закончилась.

В медпункте врача перебинтовала Кольке руку и туловище, предварительно помазав места с ободранной кожей жгучим йодом. Во время процедуры Колька держался молодцом, отвечал на сочувственные расспросы врачихи и понемногу начал чувствовать себя героем.

На выходе из лазарета его уже ждали мужики, возвращавшиеся со смены. Обступили плотным кольцом, подмигивали, хлопали по плечам. Тут был и Семеныч, самый солидный, знающий в бригаде мужик, и Пашка, записной балагур. Это были такие люди, на фоне которых Колька терялся и был незаметен, но только не теперь, не тот случай. Теперь Колька был в центре всеобщего внимания, все его внимательно слушали, каждый примерял на себя случившееся, ведь такие рассказы помогают в шахтерском труде лучше всякой инструкции по технике безопасности. Не привычный к долгим речам Колька говорил сбивчиво, фразы, выходящие из его уст, наталкивались друг на друга, словно сползающие в лаве куски породы, порой застревая, порой устремляясь вниз, перескакивая друг через друга, но по всему выходило, что он, Колька, молодец.

Как ловко он уклонился от летящих навстречу стоек! Как быстро, за мгновение рассчитал возможную высоту падения, весь собрался в последний момент, по-каскадерски сгруппировался и оттого ничего себе не сломал!

– Пойдем с нами, в пивбар, – говорили мужики, – тебе стресс надо снять.

– Нет, мне домой.

И мужики не стали над ним подшучивать, как обычно, называть подкаблучником, как всегда, когда он отказывался выпить в компании, все понимали, это не тот случай.

Дома ждали жена с тещей. Когда Колька снял рубашку, показал забинтованную руку и грудь, обе в голос ахнули.

– Вот, в лаву упал, – печально сказал Колька. Женщины повели его на кухню, налили борща, сели по обе стороны на табуретки, приготовились слушать.

– Мне бы выпить, – робко пожелал Колька. – Стресс снять. Как-никак, жизни чуть не лишился. Что, я схожу?

– Сиди уж, горемычный, – замахала руками теща. – Я сама сбегаю.

Колька сидел за столом, выпивал водку из граненого стакана, закусывал горячим борщом и чувствовал себя великолепно. Наконец-то по отношению к нему было уважение, которого он никак раньше не мог добиться.

– Вот такое это опасное дело – шахта. Это вам, женщины, не блины печь. Каждый день голову подставляешь, не знаешь, вернешься ли, нет... А что делать? Семью-то надо кормить. Так или нет?

– Куда же ты там упал? – спросила теща.

– Объясняю, – Колька сурово нахмурился и сжал в руке стакан. – Вот, представьте, глубокая яма. Формой вроде этого стакана, только доньшко далеко-далеко. Стены из породы, на дне уголь накидан, и темно, хоть кричи! А

человек, – Колька обыскал взглядом стол, отщипнул от куска хлеба большую крошку, размял ее в пальцах, занес над стаканом, – человек над этой ямой – былинка. Какая-то случайность, и, – Колька выпустил из пальцев крошку, неожиданно крикнул: – А-а! – так, что жена с тещей вздрогнули.

– В секунду вся жизнь прошла перед глазами, с раннего детства. И, что всего обиднее, семью оставляю. Ничего, думаю, не успел. Ни сына поднять, ни квартиру обставить, ни картошку осенью выкопать. Как же вы, думаю, без меня?

От выпитой водки Кольке стало нестерпимо жалко своей чуть не пропавшей жизни, жалко так, что слеза выступила в уголке его глаза.

– И знаешь, о чем я, Люся, думал, когда летел вниз, готовился к смерти? О тебе. Люблю ведь я тебя, жена. И семья у нас сложилась, дай бог каждому. И еще я, Люся, вспомнил – веришь ли, нет, как с тобой познакомился на танцплощадке, помнишь? Ты еще со мной танцевать никак не хотела.

Жена махнула рукой и отвернулась, словно бы желая скрыть подступившие слезы.

– Я, наверное, Коленька, сейчас опять достану, тех, что на Новый год припасли.

– Когда же ты обо всем успел подумать? – спросила теща.

– А вот так, Клавдия Ивановна. Когда с жизнью прощаешься, тогда секунды в минуты и часы растягиваются.

Хорошо было за столом, на уютной кухоньке. Тепло так, по-домашнему. Понимаешь только, когда всего мог лишиться. Стали готовиться ко сну, а Колька вышел покурить на балкон. От выпитой, почти единолично, бутылки его немного покачивало. И еще хотелось больше общения, еще кому-то рассказать о приключившемся с ним

случае, добавить в рассказе подробностей. Да и вообще поговорить о жизни, о смысле ее. Теперь, как ему казалось, после приключившегося с ним, он что-то в этой жизни стал понимать.

Но поговорить было не с кем. Хотя... Колька уловил какое-то движение на балконе внизу, перегнулся всем телом через перила – так и есть, сосед суетится. Приспособил чурку, машет топором, свинью разделяет. Куски мяса по пакетам рассовывает. Мясо занесет снежком, приморозит – на всю зиму запас. Как появится надобность – вынес пакет, вот тебе и пельмени, и борщ, и котлеты. Хозяйственный, черт.

До того Колька с соседом толком не разговаривал. Так, здоровались в подъезде. Но теперь Колька вдруг почувствовал что-то теплое по отношению к соседу, почти родственное. Захотелось поговорить с ним, так, по-мужицки, как могут поговорить главы семейств, двое разумных по жизни людей. Тем более Кольке было что рассказать. Как сосед воспримет его рассказ с его, бывалой точки зрения?

Колька перегнулся еще больше через перила и крикнул:

– Эй, сосед!

Тот завертел головой, потом глянул вверх.

– Ну?

– Здорово, сосед!

– Здорово, – буркнул сосед и вновь занялся своим мясом.

Кольке хотелось сказать что-то веское и значительное, чтобы завязалась беседа, он набрал уже воздуха в легкие, потянулся всем телом вниз, как вдруг почувствовал, что ноги его поднимаются в воздух, голову тянет к земле, он зацарапал ногтями по скользкому карнизу, но не удержался, сделал кувырок и полетел с балкона. Врезались в лицо и плечи и тут же лопнули бельевые веревки, натянутые на балконе соседа, затем так же лопнули веревки на следующем, и вот он с размаха грохается на заснеженный асфальт.

Все внутренности у него сотряслись и заныли. Колька с трудом поднялся и оцупал себя. Цел, кажется, опять цел. Постанывая, он доплелся до своей квартиры. Увы, в этот раз он сочувствия не вызвал.

– Свинья везде грязи найдет, – сказала жена.

– Клоун он у тебя, чисто клоун, – добавила теща.

– Мне бы выпить... – робко спросил Колька.

– Счас, разбежался! Спать иди.

Кольке ничего не оставалось, как идти укладываться. И то – приключений на сегодня достаточно.